

Глава 3

ГРАФОФОНЕТИКА

3-ЯЗЫЧНЫХ НАДПИСЕЙ

СВЕДЕНИЯ О ГРАФИКЕ

Консонантная арабская письменность надмогильных памятников в Волжской Булгарии имела ряд неудобств для передачи тюркской речи (подробнее см.: Хакимзянов 1978, 25–27). Даже учитывая то, что взаимосвязь устно-звукового и письменного языков характеризуется относительно большими комбинаторными возможностями для адекватных корреспонденций, заимствование графической системы всегда вызывает определенные трудности. Главная из них – необходимость отбора знаков или вкладывания иной фонологической нагрузки в отдельные графемы, так как фонологическая система каждого конкретного языка требует своего выражения в функциональных единицах.

Тексты 3-язычной группы памятников XIII–XIV вв. в отличие от надгробий, где зафиксированы ротацизм и ламбдаизм, написаны обычным тюркским ("тюркютским") языком. А до этого времени, как известно, был создан ряд вариантов тюркского литературного языка с разнообразными стилевыми вариациями (Тенишев 1976, 230–232). Наиболее известные и широко распространенные в Среднем Поволжье литературные памятники этого периода – "Хикматы" А. Ясеви, "Мухаббат-наме" Хорезми, "Гулистан" С.Сараи, "Кисса-и Мусуф" Кул Али, "Кисекбаш китабы" – были написаны на кыпчакском (или на кыпчакско-огузском) литературном языке. Это обстоятельство явилось усиливающим фактором распространения койне кыпчакизированного типа, так как "обучение грамоте происходит на материале литературных памятников, так что пишущему становится удобнее примкнуть к господствующей орфографии, чем специально изучать какое-то особое правописание для своего диалекта или самому выдумать его" (Пауль 1960, 486).

К этому времени у писцов уже были выработаны определенные правила письма, которые отшлифовывались и узаконивались в течение столетий, ибо литературный язык отличается, прежде всего, традицией написания слов, выступающей впоследствии своеобразным орфографическим нормативом. Здесь в качестве примера можно указать на передачу в текстах согласных *g* и *k* одним знаком: كىلگاندآ *kiłgāndā* [181]¹, 'когда приходил',

¹Цифра в квадратных скобках означает порядковый номер памятника по нашей картотеке. Указатель мест находок или хранения приведен в "Приложениях".

где они обозначены через *kāf*. Аналогичное явление наблюдается и в более ранних тюркских памятниках, например в "Кутадгу билиг" Исуфа Хас Хаджиба Баласагунского (XI в.), "Атебат уль-Хакаиик" Ахмад Алиба Югнаки (XII-XIII вв., а по предположению С. Е. Малова (1951, 316), возможно, X в.), "Кисса-и Йусуф" Кул Али (XIII в.). Отсюда можно сделать вывод, что резчики при составлении текстов эпитафий придерживались существующих орфографических традиций.

В з-язычных надписях имеются точки под буквами *rā*, *sād* и трюеточные под *sīn* — точно так же, как и в памятниках т- и дж-диалектов (Хакимзянов 1978, 27-28). Конечно, встречаются и отдельные надгробья, в которых точки поставлены под буквами 'айн, *tā*, что было характерно для другой группы памятников Волжской Булгарии. Выходит, что этим графическим приемом пользовалось большинство мастеров-резчиков, независимо от их принадлежности к различным школам и, возможно, этносам.

ОБЩИЙ ОБЗОР СОГЛАСНЫХ

В — губно-губной смычный звонкий согласный. В текстах встречается без позиционных ограничений, ср., например: *beñ* [164] 'пять', *bolğarı* [90] 'булгарский', *ānbāl* [80], *İbrahim* [153, 182] — имена собственные.

Он зафиксирован и в текстах на т- и дж-диалектах.

Ауслатную графему *-b*, видимо, следует признать лишь графическим отражением его глухого корреспондента, так как в арабской письменности, которой пользовались резчики, *b* не имеет своего знакового выражения.

Р — губно-губной смычный глухой согласный. Скучность имеющегося фактического материала, а также графическое неразличение глухого *r* и звонкого *b* не позволяют наблюдать употребление этого звука в начальной и средней позициях. Исходя из тезиса о глухом ауслате, общепринятого для тюркских языков Урало-Поволжья, в следующих словах можно предполагать употребление *-r*: *Ajur* [90] — имя собственное, *gāžār* [80, 127] — название седьмого месяца по лунному календарю.

Обозначение звука *r* в письме через знак *bā* держалось довольно долго, вплоть до начала XIX столетия, несмотря на то, что уже в рукописях XIII-XIV вв. началась дифференциация этих граф (Ахметгалеева 1978, 63-64).

В татарском и башкирском языках губно-губные смычные *b* и *r* имеют несколько аллофонов, употребляемых в определенных позициях. В восточном диалекте татарского языка, который, кстати, относится к типу с преобладанием глухого звука, анлаутный *b* имеет полувзвонкий характер, а в

²Подробнее см. Хакимзянов 1978, 31.

положении между гласными или сонорными и гласным он спирантизируется (Тумашева 1978, 56), в ряде слов цокающего говора западного диалекта $b \rightarrow p$ в результате регрессирующего воздействия глухого t (Махмутова 1978, 68-70). Это же свойственно и некоторым говорам среднего диалекта (Хайрутдинова 1979, 57), что скорее всего объясняется мишарским влиянием. Башкирский же язык характеризуется анлаутным b , в айском говоре восточного диалекта в словах арабского происхождения сохраняется и ауслаутный $-b$ (Максимова 1976, 33), в татарском звонкий b в абсолютном исходе слова (не считая стилистического применения) не употребляется.

Исследовав поведение губно-губных смычных в кыпчакских языках Урало-Поволжья, Р. Ф. Шакирова (1954, 60) пришла к мнению о некогда существовавшей единой фонеме, давшей затем два варианта - b и p , что было поддержано Т. М. Гариповым (1979, 82), который предполагал наличие исторической билабиальной смычной прафонемы $b-p$ как своего рода "бифонемы". А. Мамедов (1985, 43-70), специально исследовавший поведение тюркских звуков в анлауте, пишет, что подобно памятникам кыпчакского литературного языка средневековья в чагатайском и караханидском литературных тюркских языках средних веков также преобладает b -анлаут.

m - губно-губной смычно-носовой согласный. В пратюркском языке он в начале слова не употреблялся, в древнетюркском же он появился вместо этимологического b -. В исследуемых нами текстах слов с анлаутным m немного и все они являются заимствованиями: m وسى $Musa$ [92] - имя собств. ср. с араб. موسى 'имя собств. Моисей' (< др.-евр. Моѳе); m رغلي $Mirgali$ [153] - имя собств. < араб. أمير 'начальник, правитель, князь, принц, эмир' (m ر // m ير - приставка к имени, m علي 'возвышенный, высокий', имя собств. Али'); m حرām $Möhärgäm$ [182] - название первого месяца по лунному календарю < араб. محرم - то же. Несколько неясно происхождение личного имени m غلي [212]. По всей видимости, здесь мы встречаемся со сложным именем $Mingali$ в диалектном варианте, которое состоит из m in ($< m$ inne $< m$ inle $< m$ inle 'с родинкой') + Ali ($< Ali$ $< Gali$).

В свое время Л. Залая (1954, 69) высказал мнение о принадлежности слов с начальным m - болгарскому (при наличии m - // b -), а с b - - суварскому и кыпчакскому языкам³. В исследуемых нами памятниках примеров с b - // m - или с ассимилятивным изменением m - $< b$ - не оказалось. Не зафиксированы они и в текстах на t - и dl -диалектах.

$ŋ$ - губно-губной целевой согласный. В памятниках древнетюркской письменности слов с данным согласным не зафиксировано, но уже в древнеуйгурских текстах, как единогласно утверждают исследователи, он су-

³ По этому вопросу см. также работу Т. М. Гарипова (1979, 83).

ществовал (Gabaïn 1959, 26; Рясянен 1955, 110, 145; Шербак 1970, 98). Появление *w* (*v*) в тюркских языках связано, главным образом, с утратой смичности губно-губного *b* и неустойчивым характером заднеязычного щелевого *y*.

В "Диване" М. Кашгари (XI в.) наблюдается два обозначения данного звука - как арабский *ūāū* и *ūāū* с тремя точками наверху, что свидетельствует о диалектных различиях. (Боровкова 1966, 26-27). В языке средне-тюркских памятников эти обозначения не всегда выдерживались.

Как в болгароязычных надписях на *t*- и *dx*-диалектах, так и в языке памятников данной группы согласный *w* обозначен через арабский *ūāū* без добавочных знаков. Эти слова в основном заимствованы из арабского языка: *wafat* [62, 90, 127, 164] 'смерть, кончина' < *وَفَاتٌ* - то же; *šāwwal* [62] - название десятого месяца по лунному календарю < *شَوَّالٌ* - то же; *rābigū-l-āwwal* [92] - название третьего месяца по лунному календарю < *رَبِيعُ الْأَوَّلِ* - то же. См. также слово *zewwā-dürsün* [164] 'пусть обрадует', образованное от тюрк. *zew-* 'любить', ср. др.-тюрк. *seb-* (ДС, 493), в "Кутадгу билиг", "Кисса-и Йусуф" *zew-*, в "Гулистане" *äv-*⁴, в среднеазиатском тефсире XII-XIII вв. *zāv-* 'любить'.

В свое время Г. В. Юсупов (1960, 58) высказал мнение о мшарском характере данного слова, хотя его графическое оформление и не отличается от такового в средне-тюркских памятниках. В западном диалекте татарского языка имеются формы *сү-*, *сүw-*, *сөw-*, *сөw-*, *сав-*; ср. также алт. *сүүр-*, карaim. *сүв-*, *сүй-*, *сөв-*, тат. лит. *сөй-*, башк. *һөй-*, чув. *сав-* 'любить' и т. д.

F - губно-зубной щелевой согласный. Исторически тюркскому консонантизму он не был присущ, а в наших текстах встречается лишь в заимствованиях: *Fatijma* [90] - имя собств. < араб. *فَاتِمَةُ* - то же; *Fatijha* [42] 'начало, введение, первая сура Корана' < араб. *فَاتِحَةٌ* - то же; *wafat* [62, 90 и т. д.] 'смерть, кончина' < араб. *وَفَاتٌ* - то же. Неясно значение антропонима *Fajaza* [175]. Возможно, он образован от формы *Fajaza*, где *-z-* > *-ž-*, ср. с именами Фаяз, Фаяза.

D - переднеязычный смичный звонкий согласный. В древне-тюркских памятниках в начальной позиции он не зафиксирован. Варианты слов с *d-* (вм. древнегот-) принято считать принадлежащими огузским языкам (или заимствованиями из огузских). В "Кисса-и Йусуф", например, имеется ряд лексем с начальным *d-* (см.: Надхип 1976, 81-83), в "Кодексе Куманикус" также присутствуют примеры с *d-* (Gabaïn 1959, 53).

В исследуемых текстах слово с инициальным *d-* является заимствован-

⁴ Подробнее об этом слове см. в работах Д. Клосопа (Slavon 1972, 787, 790) и Э. Н. Надхипа (1975, вып. 2, 151).

нием, поэтому о каких-либо фонетических явлениях говорить не приходится, ср. *دنيا* *dönja* [144, 182] 'свет, мир' < араб. *دُنْيَا* 'свет, мир; мирская жизнь'. Г. В. Юсупов (1964, 16) приводит еще одно слово с начальным *ä-* (*دوالو* в памятнике № 211) и писал: "Дальв - название созвездия Водолея, из так называемого "арабского зодиака", соответствующего январь-февралю европейского календаря". При осмотре памятника в полевых условиях нам не удалось разобрать это слово - читаются лишь два начальных знака - *dāl* (или *zāl*) и алиф. Вполне возможно, что тут было написано название месяца зульхиджа (или же зулькагида), ср. графическое оформление: *ذوالحججه* (*ذوالحجه*)

Следуя письменной традиции, в ауслатной позиции пишется графема *dāl*, хотя в этой позиции звонкий звук должен был и оглушаться, ср. *أحمد* *Ähmäd* [62] - имя собств. (< араб.) ~ тат., башк. *Әхмәт*; *مسجد* *mäs-žed* [153] 'мечеть' (< араб.) ~ тат., башк. *мәчет*; *شهيد* *šähid* [181] 'погибший за веру' (< араб.).

Примеры употребления *ä* в середине слова: *شهيد* *Šähidulla* [92], *عبد الجبار* *Gabdälžabbar* [181] - имена собств., *سۆندۈرسۈن* *zewendürsün* [164] 'пусть обрадует', *جمادى الاولى* *žömädi-l-äwwäli* [153, 181] - название пятого месяца по лунному календарю, *بولدی* *boldi* [62, 90, 164] 'был'.

ṭ - переднеязычный смычный глухой согласный. В древне- и средне-тюркских памятниках этот звук употреблялся в различных позициях. В исследуемых нами памятниках он также не имеет позиционных ограничений: *تول* *tu1* [91] 'вдова' < др.-тюрк. *tu1* (ДТС, 585), *تۆرت* *tört* [127, 214] и *تۆرۈت* *törüt* [181] 'четыре' < др.-тюрк. *tört* (ДТС, 581), *اورتاسى* *ortasi* [91] 'его середина' < др.-тюрк. *orta* (ДТС, 371) 'середина', *ortu* 'середина, средний, середняк' (ДТС, 371), *otra* 'середина, посередине; послелог "между"' (ДТС, 374) и т. д.

š - переднеязычный шипящий щелевой глухой согласный. В исследуемых надписях он встречается во всех позициях, ср.: *شهيد* *Šähidulla* [92] - имя собств., *شعبان* *šägbän* [164] - название восьмого месяца по лунному календарю, *ياشinda* *jašinda* [90, 164, 181, 182] 'в (столько-то) лет', *بئش* *beš* [164] 'пять' и т. д.

s - переднеязычный свистящий щелевой глухой согласный. Большей частью встречается в начале и середине слова, ср.: *ساقمان* *saqman* [175] - имя собств., *سكسان* *seksän* [181] 'восемьдесят', *اسراغان* *asrağan* [91] 'кормивший, воспитавший', *اورتاسى* *ortasi* [91] 'его середина'. В текстах зафиксирован пример и с ауслатным -в: *يونس* *Junis* [90] - имя собств.

z - переднеязычный свистящий щелевой звонкий согласный. Инициальный *z* не был характерен для древнетюркского языка и, если не считать арабских заимствований *زيارت* *zijaṛāt* 'место погребения' и *زهيد* *zahid* 'набожный', в исследуемой группе памятников Волжской Булгарии он не зафиксирован. М. Кашгари отмечал употребление кыпчаками, йемеками, су-

варами и оулгарами ауслаутного -z ; и для данной группы памятников он является характерным признаком, ср.: اوئز otiz [164] 'тридцать', يوز jüz [80, 90, 164, 175 и т. д.] 'сто', يوز اوكسوز öksüz [91] 'сирота' и др. Звук z встречается и в середине слова: اوزكى özäge [91] 'его сердцеви-на, центр', فيز qiz [62] 'его дочь' и т. д.

Особенностью этого согласного является его оглушение в результате ассимиляции в слове sekān (< sekiz on) 'восемьдесят'. Данное явление было зафиксировано в XI в. М. Кашгари и нашло отражение во многих тюркских языках (Исхаков 1956, 181).

Л - переднеязычный смычно-целевой сонант. Исследователи весьма сомнительно высказываются о возможности его применения в аялауте древнетюркского языка. Отдельные примеры, все же обнаруженные в некоторых памятниках той поры (например, в Онгинском), объясняются как заимствования (Tekin 1968, 84).

В исследуемой нами группе болгарских надписей начальный л- не зафиксирован, в середине и конце слова употребляется без всяких позиционных изменений: البولغاري l-bolğari [90] 'болгарский', بولدى boldi [90, 164] 'было', تول tul [91] 'вдова', انبال Ānbal [80] - имя собств.

Н - переднеязычный смычный носовой согласный. В древнетюркском языке этот согласный, в основном, зафиксирован в неинициальных позициях. Имеется несколько слов с аялаутным n-(Tekin 1968, 82), которые считаются либо заимствованиями, либо результатами последующих изменений (Рясяня 1955, 176; Щербак 1961, 49-50). Аялаутный n- в наших памятниках не представлен, а в середине и конце слов данный звук употребляется без позиционных изменений, например: اينه بك ina bek [210], حسن ħāsān [80] - имена собств., اون on [90, 153, 164 и др.] 'десять', التونجى altunċi [92] 'золотых дел мастер'.

Р - переднеязычный дрожащий сонант. В древнетюркском языке в начале собственно тюркских слов он не был употребителен. В исследуемых нами памятниках в аялаутной позиции r встречается только в заимствованиях, ср., например: رجب gāğar [80, 127] - название седьмого месяца по лунному календарю (< араб.), ربيع الاولى tābiği-l-āwāli [92] - название третьего месяца по лунному календарю (< араб.).

Примеры употребления r в других позициях: قرارى qarari [144] 'его решение' (< араб.), باى قرا Bai qara [210] - имя собств., تورت tört [127, 214] 'четыре', الال alar [153] 'они', بولارتاي Bülartaj [127] - имя собств., اون бер on ber [90] 'одиннадцать' и т. д.

В текстах на т- и дж-диалектах болгарских памятников в ряде слов наблюдалось употребление ауслаутного r вместо общетюркского z . В данной группе памятников такое замещение не зафиксировано.

ǰ - переднеязычная звонкая аффриката. Звуки ǰ и ċ графически не различаются. Они оба передаются графом джīm без каких-либо добавочных знаков, что вызывает определенные трудности при чтении слов. Хотя ǰ и является относительно древним звуком, в орхово-енисейских памятниках

он специально не обозначался (Tekin 1968, 75; Кононов 1980, 63) и лишь в письменности брахми имел свое графическое выражение (Gabaïn 1951, 7). В Среднем Поволжье его принято считать характерным показателем болгарского языка, хотя М. Кашгари и сообщил о том, что он существует в языках как огузов, так и кыпчаков (см. также специальную работу А. Берти - 1983).

В языке исследуемых памятников слов, написанных с начальным \check{z} , немало, это - название пятого месяца по лунному календарю $\check{z}\ddot{o}$ -madī-l-āwwāli [153, 181] и имя собственное \check{z} abaq [175]. Первое слово заимствовано из арабского языка, в котором оно имеет аялаутный \check{z} -, а второе слово, по нашему мнению, также должно читаться с начальным звонким звуком, а не с глухим, хотя весьма заманчиво сопоставить его с турк. \check{s} abaq 'мелкая рыба'.

Как известно, звук \check{z} является рефлексом древнего * \check{z} ⁵, и поэтому правомерно было бы считать \check{z} abaq < jabaq, тем более в древнеуйгурских документах из Турфана зафиксировано имя собственное Jara \check{z} // Jarī \check{z} (ДТС, 235-236). В фонетическом отношении такое изменение представляется вполне возможным: интервокальный -p- > -b-, ср., например, qarāq > qabaq 'веко' (МК I, 382), тат., башк., ног., казах., ккалп. кабак - то же, образованное от корня qar- 'покрывать, закрывать'; а - \check{y} > -q, что особенно характерно для юго-восточных тюркских языков (Рясянен 1955, 109).

В 922 г. Ибн-Фадлан сообщил, что одну и ту же небольшую речку называли то \check{z} aušir \check{z} aušir, то \check{z} aušiz \check{z} aušiz (см.: Ковалевский 1956, 131, 139). Таким образом, аялаутный \check{z} - выступал отличительным признаком разговорной речи какой-то группы населения Волжской Булгарии, что нашло подтверждение и в надмогильных надписях XIII-XIV вв. (Хакимзянов 1978, 19). В приэльбрусских рунических памятниках протоболгарского языка С. Я. Байчоровым (1977, 70) был вычленен и дж-диалект.

Примеры употребления \check{z} в середине слова: \check{z} ar \check{z} ar [80, 127] - название седьмого месяца по лунному календарю, \check{z} abaq [175] - имя собств., \check{z} ed [153] 'мечеть' и т. д. В надписях в аялаутной позиции он не зафиксирован.

\check{s} - переднеязычная глухая аффриката. В текстах слов с аялаутным \check{s} не обнаружено, однако, видимо, это не означает, что он отсутствовал в данной позиции вообще. Звук \check{s} , будучи единственной аффрикатой в тюркском праязыке, сохранился в старых тюркских языках, зафиксированных в письменных памятниках (Серебренников, Гаджиева 1979, 65). Был он и в языке болгароязычных текстов других групп (Хакимзянов 1978, 38-40). В средневековых письменных памятниках начальный \check{s} - является

⁵ Имеется и другая точка зрения по этому вопросу (см.: Щербак 1970, 159-160).

реальным фонетическим явлением, см., например: среднеазиатский тефсир (Боровков 1963, 355-361), "Мухаббат-наме" (Наджиб 1961, 183-185), "Кисекбаш китабы" (Ахметгалеева 1979, 167), "Тулистан" (Наджиб 1975, вып. 2, 130-137), "Хосров и Ширин" (Наджиб 1979, 86) и др.

В исследуемых нами надписях древний \check{c} употреблен, в основном, в составе афф. $-\check{c}i // -\check{c}i$, например: 1) когда он образует имя деятеля, ср. التونجى *altunči* [91] 'золотых дел мастер', *تامغاچى* *tamğaçi* [153] 'сборщик податей'; 2) при образовании порядкового числительного, ср. *التنجى* *altinči* [153, 182] 'шестой', *تورتنجى* *türtence* [153] 'четвертый'. Кроме того, имеется пример, указывающий на употребление вторичного \check{c} , возникшего как $ti > \check{c}i$: *الچى* *elči* [90] 'госпожа, владелица', который в древнекыпчакском языке зафиксирован в форме *älti* (подробнее см.: Хакимзянов 1978, 91-92). Имеющийся фактический материал пока не позволяет сделать вывод о системном переходе $ti > \check{c}i$. Вполне могло быть, что данное слово вошло в язык койнэ, отражением которого являются надписи данной группы памятников, из дх-диалекта, где такое изменение наблюдается более или менее системно (Хакимзянов 1978, 38-40).

g - заднеязычный смывный звонкий согласный. Для древнетюркского языка использование этого согласного в анлауте не характерно. В исследуемых текстах слова с **g**- являются заимствованиями, ср.: *علم لارقا* *galimlärqa* [153] 'ученым' < араб. *عَلِمٌ* *galim* 'ученый', *عمارت* *gijmarät* [153] 'строительство' < араб. *عِمَارَةٌ* 'населенность; строительство'.

Примеры употребления **g** в середине слова: *جغتار* *jegetlär* [91] 'джигиты, юноши' < др.-тюрк. *jigit* 'юноша, молодой человек' (ДТС, 260), *ججرتمه* *jegerme* [90, 164] 'двадцать' < др.-тюрк. *jigirtmä // jigirmi // jegirtmä // jegirmi* - то же (ДТС, 253, 260); возможно, *سجيز* *segiz* [182] 'восемь' < др.-тюрк. *sekiz* - то же (ДТС, 494), ср. ст.-кыпч. *сжз* *segiz* (Курышжанов 1970, 186; Clauson 1972, 823)⁶. Существует мнение о вторичности интервокального **g** в тюркских языках (Серебрянников, Гадзлева 1979, 37). Таковым же является **g** и в словах *اوزى* *özäge* [91] 'его сердцевина, центр', где $-g-$ < $-k-$ (ср. *özäk* 'серцевина, середина, центр'), *بلكوسى* *belgüse* [212]⁷ 'его надмогильный памятник', в котором также $-g-$ < $-k-$ (ср. *bälük*)⁷.

Имеются формы, в которых **g** находится в абсолютном исходе слова: *أليگ* [211, 212] // *الى ك* [214] // *البيگ* [181] // *الک* [213] // *البيگ* [62] *elig* 'пятьдесят' < др.-тюрк. *elig* - то же (ДТС, 170).

γ - глубокозаднеязычный смывный звонкий согласный. По артикуляционным свойствам он считается неустойчивым звуком. В ряде тюркских языков

⁶ В большинстве тюркских языков в середине слова употребляется именно **g**.

⁷ Такая форма зафиксирована в болгарских памятниках на т- и дх-диалектах (Хакимзянов 1978, 82-83).

он не сохранился. В группе р-язычных волжскобулгарских надмогильных памятников интервокальный -γ- не встречался (Хакимянов 1978, 44), а в исследуемой группе присутствует: اوغلى oγlī [62, 80, 91 и т. д.] 'его сын', اغرلاان aγirlaγan [91]⁸ 'уважаемый, почитаемый'. Есть и другие примеры, показывающие употребление этого звука в середине слова в соседстве с согласными, например: البلغارى āl-Bolγari [90] 'булгарский', تاشقاچى taşqaçī [153] 'сборщик податей'.

Как известно, интервокальный -γ- в силу своей слабости нередко превращался в -w-, -j-, которые могли затем исчезнуть. Эта фонетическая закономерность характерна для ряда тюркских языков, ср. др.-тюрк. aγir 'тяжелый' (ДТС, 18) ~ тат., башк., казах., ног., ккалп. авыр, кирг. ор, кбалж. авур, алт. ур - то же. Сохранение глубокозаднеязычного звука в памятниках могло быть данью литературным традициям, ср. также имя собственное قوتلوع بک Qutluγ bek [211] < др.-тюрк. Qutluγ beg - то же (ДТС, 473)⁹.

Применение начального γ-, который для тюркского праязыка не был характерным, можно показать на примере персидского заимствования: غره γorγā [90, 211, 214] 'новолуние' < перс. غره γorγe 'новолуние; первый день лунного месяца'.

к - заднеязычный глухой смывный согласный. Этот звук в тюркских языках считается довольно устойчивым. В исследуемых нами памятниках он встречается без позиционных исключений, ср.: -كېل kel-[181] 'приходить', كوركي kōrke [91, 139] 'его краса' (см. др.-тюрк. kōrk 'образ, изображение, красота, облик и т. д.' - ДТС, 317), كسان sekān [181] 'восемьдесят', كوش ūküš [153, 244] 'много' (см. др.-тюрк. ūküš//ōküš 'много' - ДТС, 383, 624), اينوک īnük [181] - имя собств. и др.

q - глубокозаднеязычный глухой смывный согласный. Данный звук употребляется в словах с гласными заднего ряда и из-за своей артикуляционной сложности нередко подвергается ослаблению. В кыпчакских языках же он является устойчивым звуком. Среди примеров М. Кашгари (XI в.), которые иллюстрируют образцы речи г. Бултар (а некоторые исследователи считают их волжскобулгарскими), имеются слова с ярко выраженным велярным q. Если в словах из т- и дж-диалектов болгароязычных памятников наблюдалось ослабление этого велярного звука, то в данной группе памятников он сохраняется, ср.: -قىل qīl-[182, 244] 'делать', قىرغ qīrγ [80, 175] 'сорок', قىز qīzī [62] 'его дочь', توقوز toquz [213] 'девять', جياق

⁸ Во многих древне- и средневековых памятниках в данных словах зафиксирован глубокозаднеязычный звук.

⁹ Ср. с данными Ибн-Фадлана (922 г.): имя собственное Wīγīγ, гидронимы Watiγ, Waşaγ (Ковалевский 1956, 130-131, 139).

ḡabaq [175], اسحاق İḡḡaq [182] – имена собств., لایوق [144] 'нет' и др. Как известно, велярный q у татар Среднего Поволжья является преобладающим звуком (Белай 1954, 74).

Обычно в составе аффиксов в тюркских языках велярный q употребляется после глухого согласного основы, однако в наших памятниках он встречается и в диссимильном сочетании, ср. تربية قیلقان tārbijā qılqan [153, 244] 'воспитавший', عارت قیلقان gijmağät qılqan [153, 244] 'строивший', مومن نا mu'minqa [139] 'правоверному'. Такое явление встречается и в некоторых других письменных памятниках, например в "Тулистане" С. Сарай (Наджип 1975, вып. 2, 95–96), что объясняется, главным образом, сохранением традиций караханидско-уйгурских письменных памятников.

Н, ɣ – заднеязычные щелевые согласные. Эти звуки для тюркских языков считаются относительно новыми. В среднетюркских памятниках, они, в основном, встречаются в составе заимствованных слов. Не составляют исключения и исследуемые нами надмогильные надписи Волжской Булгарии, ср.: جواجه ḡoḡa [153] 'хозяин, ходжа, господин' < перс. حواجه 'господин, хозяин, начальство', حسن هآءان [80] – имя собств. < араб. حَسَن – то же, رءمت gāḡmät [164, 181] 'милость, милосердие' < араб. رءمة – то же, اخريندا aḡrinda [127, 213] 'в конце' < араб. اءر 'последний, конец, конечный'.

Обычно ауслатный –ɣ является результатом ослабления велярного –q, но, как показывают примеры, в языке надписей данной группы памятников, в отличие от текстов на т- и да-диалектах, –q сохраняется. Поэтому слов с ауслатным –ɣ не обнаружено.

ɟ – среднеязычный сонорный щелевой согласный. Язык памятников относится к так называемым "йекаким" языкам, отличительным признаком которых считается наличие анлаутного ɟ-, например: جءت jeget [91] 'джигит, юноша', جءز jüz [80, 90, 214] 'сто', جءش jaš [90, 181, 182 и др.] 'год (о возрасте)', جءتى jeti [80, 90, 127, 153 и др.] 'семь', لایوق [144] 'нет' и т. д.

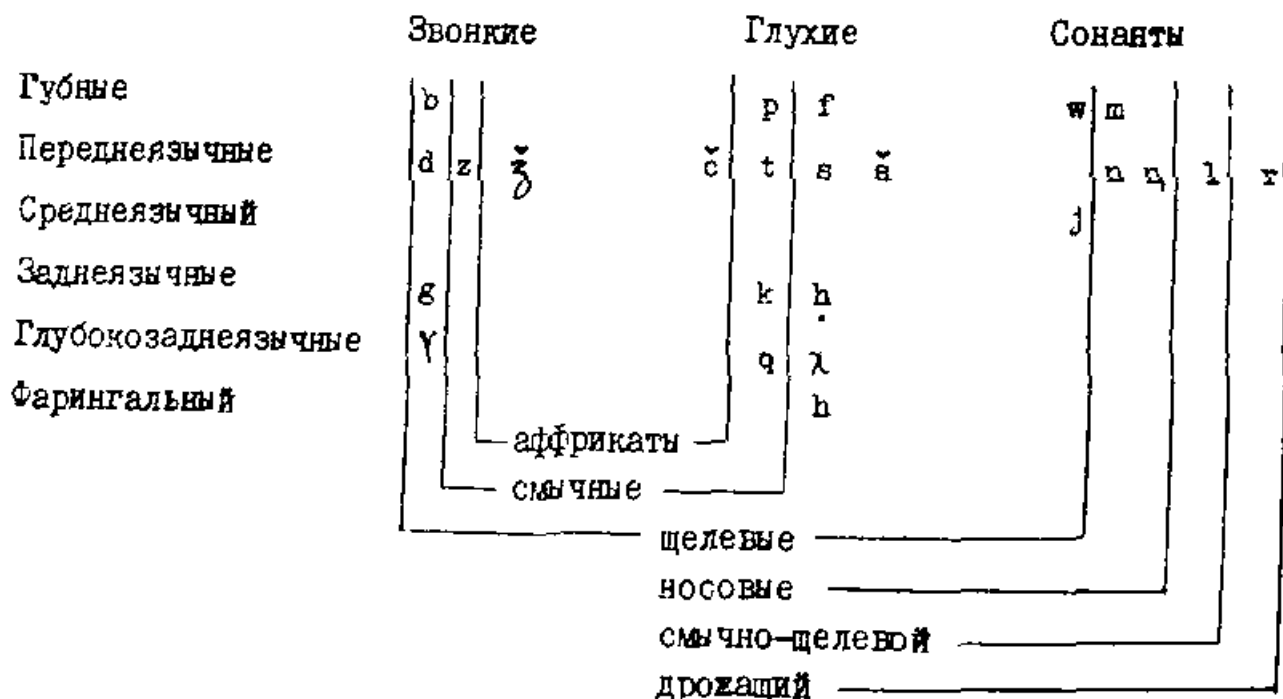
Примеры употребления этого звука в других позициях: باءى Bajlā [175], توءجا tujḡa [213], اءوب ajuḡ [90] – имена собств., وءان wāzgan [144] 'опустошенный, разрушенный'. В конце слов ɟ, как правило, сохраняется, однако в памятниках слов с ауслатным –ɟ почти нет. На одном памятнике зафиксировано заимствованное слово سراء saraj [139] 'дворец' < перс. سراء – то же. Видимо, сложное имя باءى قراء Baj qara (~ Bajqara) необходимо рассматривать как состоящее из компонентов Baj и qara. Первое слово было зафиксировано еще в памятнике Кюль-Тегину (XIII в.) в значении "богатый" и в древнетюркскую эпоху входило в состав антропонимов Baj Арв, Baj Буа, Baj Тешür, Bört Baj и т. д. (см. ДТС, 79, 118, 602), а второе слово также употреблялось в составе собственных имен и названий местностей: Qara Baqāi, Qara Buqa, Qara Tekün, Baš Qara и т. д. (см. ДТС, 424).

д - заднеязычный носовой согласный. Начиная с древних памятников, выполненных уйгурской графикой; этот звук обозначался диграфом п + г, что сохранялось и в арабографичных текстах. Он мог выступать в любой позиции, кроме начала слова, что вообще не характерно для тюркской речи, ср.: كۆنلار kōñellār [91] 'души, сердца', ايجىنىڭ [62, 80, 153] 'его месяца', ربيع الاول تىڭ rabīgū-l-āwwālnēç [91] 'раби-I (месяца)'.
 Передача звука ɳ, посредством pg была характерна для многих средневековых письменных памятников.

Н - фарингальный щелевой согласный. В древнетюркском языке он отсутствовал; весьма противоречиво сообщает о его существовании в тюркских языках и М. Кашгари (Шербак 1961, 45). Считается доказанным, что в тюркских языках данный звук появился под влиянием арабо-персидских заимствований (Насилов 1974, 18-19; Ряснян 1955, 131). И в сиρο-тюркских текстах графонема ڭ употребляется лишь в сирийских словах (Джумагулов 1971, 45).

В исследуемых нами надписях фарингальный ڭ зафиксирован в словах арабо-персидского происхождения, например: ھام hām [153] 'и' < перс. هم 'также, тоже, и, равно, еще', ھىجرەت hiçrät [90, 164] 'хиджра, начало мусульманского летосчисления' < араб. ھجرة 'переселение, эмиграция', ھمىشە hāmīšā [144] 'постоянно, всегда' < перс. هميشه - то же. Наличие антропонима شەھىدۇل Şahidulla [92], очевидно, свидетельствует о выпадении ауслаутного ڭ, что характерно, прежде всего, для современного татарского разговорного языка. Между тем, когда слово ڭ употребляется самостоятельно, ڭ сохраняется.

Таким образом, в языке исследуемой группы надмогильных памятников Волжской Булгарии можно констатировать употребление согласных б, п, ш, w, f, d, t, ɳ, s, z, l, n, r, ɟ, ɕ, g, ɣ, k, q, ɸ, ɣ, j, ɳ, ڭ, которые схематически располагаются следующим образом:

В языке данной группы памятников Волжской Булгарии встретилось два слова, которые не связаны с диалектной принадлежностью текстов, — это عُمان *Gosman* [153]¹⁰ — имя собств., كوزر *Käügär* [127] 'Кеусар (название райского источника)'. Употребленный в них глухой спирант ʒ из современных тюркских языков имеется лишь в башкирском и туркменском (Дмитриев 1955, 249–253). В туркменском языке его подосновой считается среднеперсидский субстрат (Дмитриев 1955, 251; Мухамедова 1978, 5–6), а в башкироведении принято мнение о том, что ʒ сохранился в старых заимствованиях из арабского языка или что он является реликтовым звуком (Гарипов 1979, 124–130).

Написание в памятниках вышеуказанных слов с интердентальным спирантом, на наш взгляд, указывает лишь на сохранение канонической формы арабского написания ¹¹, ведь в памятниках других слов с этим согласным не встречается. Да и в башкирском языке указанное личное имя имеет форму Усман (ср. тат. Госман). Поэтому у нас нет основания считать ʒ самостоятельной графофонемой. То же самое можно сказать и о межзубном фрикативном ʒ, который употребляется лишь в коранических формулах, приводимых в эпитафиях, хотя и в смешанных арабско-тюркских текстах.

ОБЩИЙ ОБЗОР ГЛАСНЫХ

Как и во всех тюркских текстах, написанных на арабской графике, в исследуемых нами надписях имеется ограниченное количество знаков, используемых для передачи гласных звуков. Это три полных гласных — алиф, йā, ūā и огласовки — дамма, фатха, кясра.

Здесь речь пойдет преимущественно о гласных первого слога, так как именно в этой позиции они являются более устойчивыми.

А — широкий нелабиализованный гласный заднего ряда. В текстах он обычно передается при помощи алифа, алифа с фатхой и алифа с маддой¹²: التي *altī* [153, 182, 234] 'шесть', آبي [181] // آبي *abi* [62, 80, 127, 153] 'его месяца', اسراغان *asraġan* [91] 'содержавший, кормивший' и др.

Если в слове присутствовали заднеязычные согласные, то широкий а заднего ряда мог обозначаться и надстрочной фатхой, например: باي قارا *baġ qara* [210] — имя собств., تعاچي *tamġaci* [153] 'сборщик податей', جباق *ġabaq* [175] — имя собств. Такой прием не является новым, он применялся болгарскими резчиками и при написании текстов на других диалектах (Хакимзянов 1978, 48), а также запечатлен в ряде тюркоязычных памятников, например в "Гулистане" С. Сарая (см.: Наджип 1975, вып. I,

¹⁰ См. также: Хакимзянов 1978, 189.

¹¹ В исламской религии Усман считается третьим халифом. Название райского источника Кеусар также связано с религиозными представлениями.

¹² Последнее обозначение в данных текстах встречается весьма редко.

69-90¹³). При заднерядных согласных звук a иногда специально не обозначается.

Следуя традиции арабского языка, ауслаутный -а указывается двойко, с помощью а) алифа мамлүда: فاجا Faǰaǰa [175] - имя собств., б) алифа максүра: موسى Muwa [42, 92] - имя собств.

Ä - широкий нелабиализованный гласный переднего ряда. В надписях этот гласный обозначается через алиф, алиф с фатхой (в этом проявляется сходство с обозначением заднерядного a): أَحْمَدُ Ähmäd [62] - имя собств., محرام möhärräm [182] - название первого месяца по лунному календарю, بولارتاي Bülärtaj [127] - имя собств. и т. д. Все же наиболее употребительным обозначением ä является надстрочная фатха, которая иногда не ставится и ее приходится подразумевать (т. е. восстанавливать), ср.: حصن Hävān [80] - имя собств., هم häm [153] 'и', جاتم jätim [91] 'сирота' и др.

В ауслаутной позиции и в составе аффиксов переднерядный ä, как правило, передается при помощи алифа: عالم لار, ى berlä [164] 'с', عالم لار, ى lälär [91] 'ученье', قرق اوج دا qırg ücädä [175] 'в сорок три' и т. д.

В этих памятниках можно наблюдать употребление персидского "ь-немого" не только в конце слова, что было характерно и для некоторых среднеетюркских литературных памятников, например для "Хосров и Ширин" Кутба (Наджип 1979, 171, 183), среднеазиатского тефсира (Боровков 1963, 59, 116), тюрко-арабского словаря (Ночтма 1894, 99), "Тулистан" С. Сарая (Наджип 1975, вып. I, 206), но и в середине, ср.: سور مى vür mü [42] 'его сура', غر مسندا ğurgäsendä [90] 'в новолуние'.

Е - полуузкий нелабиализованный гласный переднего ряда. Если наличие нейотированного полуузкого e в древнетюркских памятниках все еще является спорным, то наличие его в среднеетюркских памятниках вне всякого сомнения. Вся трудность состоит в графическом неразличении его со звуками ä, i. Для определения качества знаков, передающих эти звуки, нередко приходится обращаться к другим письменным источникам, сравнительным словарям и фактам современных тюркских языков. Исследуемые нами надмогильные памятники найдены на территории бывшей Волжской Булгарии и поэтому наряду с показаниями средневековых письменных источников необходимо учитывать и состояние современных тюркских языков Среднего Поволжья и Приуралья.

¹³ Здесь трудно согласиться с Э. Н. Наджипом, увязывающим употребление фатхи с качеством безударного гласного в двух- и трехсложных словах. Имеющиеся в "Тулистане" примеры опровергают такое толкование, ср.: بارماق barmaq 'палец' (автор читает bärmaq), باش baş 'голова' (автор читает bäs - Наджип 1975, вып. 2, 87-88).

В эпиграфических надписях т- и дж-диалектов данный звук передавался диграфом йā + алиф, а также фатхой (Хахимзянов 1978, 50-52), в рассматриваемых же памятниках для его обозначения особых знаков или комбинаций граф нет. Графическое обозначение анлаутного е- совпадает с і-, что иногда позволяет говорить лишь о возможностях употребления. В таких случаях на помощь приходят дублетные написания одних и тех же слов. Например, в текстах числительное "пятьдесят" имеет следующие варианты написания: ايلک [164, 181], ایلک [62], آلی ک [214], ایلک [211], ایلک [213], آیلک [212].

Как известно, в инициалиях чаще всего графически варьируют і- ~ е-, ср. в источниках: ایلк (МК, 177), ایلک "Хосров и Ширин" Кутба (Наджиб 1979, 446), آلی "Тухфа" (Муталибов 1968, 176) и т. д. Если в раннетюркских памятниках начальную графему можно читать еще как ā-, то в среднетюркских - как е-¹⁴. По всей видимости, анлаутную графему в исследуемых нами текстах необходимо читать как е-. Это можно было бы аргументировать следующим образом. Во-первых, варьирование начальных графем ā ~ е было характерно для ряда среднетюркских памятников, но тем не менее большинство исследователей предпочитали е-, то есть предполагали наличие древнего е- или же допускали ā- > е-. Тогда такое явление могло найти отражение в письменной форме наддиалектного койна волжских булгар.

Во-вторых, фактический материал показывает, что в языке надписей еще не было перехода древнего ā в і и этот процесс находился в стадии ā > е. Рассмотрим состояние гласного ā (~ е) первого слога в неинициальной позиции, например: سکز [164, 182] и سکز [62] 'восемь'; ср. в другой группе памятников Волжской Булгарии سکر sāker 'восемь' (Хахимзянов 1978, 65). В современных татарском и башкирском языках в первом слоге имеется -і- (ср.: сигез и һигез), а в чувашском -а- (ср.: сакӑр, сакӑр). В графике гласный первого слога никак не обозначен (или можно предполагать фатху) - значит, слово следует читать как väkiz или vekiz. Скорее всего более ближе к истине второй вариант, ибо в пользу такого чтения говорят графические дублеты і // ā в других словах.

В-третьих, татарский и башкирский языки являются языками, в которых более системно происходило сужение древнего ā > і (однако в башкирском примеров с в сохранилось больше, нежели в татарском). К тому же татарский і является полуузким и акустически несколько напоминает русский э, то есть он дифтонгоидный. По всей видимости, одна из причин этого, которая носит региональный характер - междиалектные отношения. Закономерно возникает вопрос: а не отражена ли здесь особенность ка-

¹⁴ Однако не исключено, что и в раннетюркских памятниках в анлауте имелся е-, ср. по этому поводу мнение Д. Клосона (Clason 1972, 141).

кого-либо диалекта, ведь все примеры с графическим аялаутным \bar{a} - зафиксированы на могильных плитах, находящихся на кладбище с. Татарский Калмапр Чердаклинского р-на Ульяновской области? Видимо, нет. В этих же эпитафиях употреблены лексемы с гласным e , графически оформленные знаком йā, например $\text{بیر } \text{ber} [211]$ 'один' (ср. с написанием $\text{بر } \text{ber} [181]$ - то же), или же диграфом алиф + йā: $\text{اردی } \text{erdī} [211, 213]$ 'было', ср. также $\text{اردی } \text{erdī} [127, 164]$ // $\text{أردی } \text{erdī} [80]$ - то же. Значит, можно говорить лишь о вариантных написаниях определенных фонетических реальностей, то есть графических синонимах.

\bar{i} - узкий нелабиализованный гласный заднего ряда. Графические обозначения гласных \bar{i} и i совпадают и только наличие в слове велярных согласных позволяет трактовать гласную графофону как заднерядную, ср., например: $\text{قيل } \text{qīl} [91, 153, 181]$ 'делать', $\text{اغراغان } \text{aḡrāḡan} [91]$ 'уважавший, почитавший', $\text{قیزی } \text{qīzi} [62]$ 'его дочь', $\text{قرق } \text{qīrq} [175]$ 'сорок'.

i - узкий нелабиализованный гласный переднего ряда. В надписях он встречается во всех позициях, ср., например: $\text{اینه } \text{inā} [210]$ - имя собств., $\text{یتیم } \text{jātīm} [91]$ 'сирота, осиротевший', $\text{مرعی } \text{mir galī} [153]$ - имя собств., $\text{بنی } \text{jetī} [80, 90, 175, 212]$ и др.] 'семья', $\text{هجرت } \text{hiḡrāt} [90]$ 'хиджра, летосчисление'.

Несколько примеров показывает, что начальнй i - мог передаваться и при помощи одного алифа, ср.: $\text{اسحاق } \text{iṣḡaq} [182]$, $\text{ابراهيم } \text{iḡrahīm} [153]$ - имена собств.

o - полужирный лабиальный гласный заднего ряда. Графическое обозначение этого гласного в большинстве случаев ничем не отличается от обозначения гласных \bar{o} , u , \bar{u} . В "Тулистане" С. Сарай обозначение заднерядных o -, u - и переднерядных \bar{o} -, \bar{u} - не дифференцированы, но судя по лексемам, приведенным в Глоссарии, исследователь этого памятника Э. Н. Надквп (1975, вып. 2, 34-62) старается придерживаться традиционного чтения, в некоторых случаях отдавая предпочтение казахскому и узбекскому произношениям. Тот же принцип положен им и в основу чтения текста средневекового литературного памятника "Хосров и Ширин" Кутба.

На одном памятнике из с. Новое Демкино Аксубаевского р-на ТАССР (см.рис. 16) Г. В. Юсуповым (1963, 59) в свое время было передано написание имени числительного "десять" без буквы $\bar{y}\bar{a}\bar{y}$ (ср. $\text{ان } \text{an}$ - в составе $\text{اوچ } \text{awūč}$ 'тринадцать'), что было принято на веру и выдвигалось как неоспоримый аргумент в пользу начального o -. Осмотр же памятника на месте в 1983 г. показал ошибочность такого чтения слова - там вырезано $\text{اوچ } \text{awūč}$, однако это не меняет положения. На наш взгляд, в языке памятников еще не было сужения широких губных гласных. Если данный процесс и начался, то сдвиг, видимо, был незначительным, который не требовал графического выражения. Такой вывод можно сделать, исходя, во-первых, из сохранения древнего o - в начальной позиции в среднетюркских литературных памятниках (см.: Славнов 1972, 74, 83-84, 166) и,

во-вторых, из сохранения о- в татарском литературном языке вплоть до XIX столетия (а в татарском языке, как известно, был закономерен переход о- > и-.

Исследователями армяно-кыпчакских текстов XVI-XVII вв. переход древнего о- > и- также не выявлен¹⁵, хотя и не отрицается возможность начала перезвучия (Абдуллин 1974, 175). О характерном для куманского языка употреблении древнего о в свое время писал и В. В. Радлов (1884, 12). Сохранение древнего о в своей фонетической системе (или его длабиализацию, но не сужение) показывает западный (Махмутова 1978, 45) и восточный¹⁶ (Тумашева 1978, 188, 278) диалекты татарского языка.

Исходя из всего этого, мы придерживаемся мнения о необходимости чтения ряда слов с начальным о-, например: $\text{اوغلى } o\gamma l i$ [80, 175, 211, 212, 213 и др.] // $\text{اوغلى } o\gamma l i$ [91, 210] 'его сын'¹⁷, ср. др.-тюрк. $o\gamma ul$ 'сын' (ДТС, 364), булг. $ou l$ (Хакимзянов 1978, 79), тат. диал. ol // $н^o л$ // $нл$ (Махмутова 1978, 45), $оуыл$ (ТТДС, 325), $оул$ и т. д.; $اونوز } otuz$ [164] // $اونوز } otuz$ [182] 'тридцать', ср. др.-тюрк. $otuz$ 'тридцать' (ДТС, 374), булг. $otuz$ (Хакимзянов 1978, 65); $اورتاسى } ortasi$ [91] 'его середина; центр', ср. др.-тюрк. $orta$, $ortu$ (ДТС, 371), $otra$ (ДТС, 374) 'середина', Примеры из современных тюркских языков и среднетюркских источников см. у М. Рясняна (Räsänen 1969, 365).

Гласный о первого слога может быть передан при помощи $\ddot{y}\ddot{a}\ddot{y}$, надстрочной даммы, или же он не обозначается совсем, например: $البغارى } \ddot{a}l-Bol\gamma ar i$ [90] 'булгарский'¹⁸, $توقوز } toquz$ [112, 213] 'девять', ср. $toquz$, $toqus$ (ДТС, 577, 578), булг. $\dot{t}o\dot{q}uz$ (Хакимзянов 1978, 65), протобулг. $*tovir$ (Pritsak 1955, 71), в ранне- и среднетюркских памятниках - $toquz$ // $to\dot{q}uz$ (Slauon 1972, 472); $رورگه } ror\ddot{g}\ddot{a}$ [90, 211, 214] 'новолунне' < перс. $\dot{r}o\dot{g}ge$ - то же.

Ö - полуширокий лабиальный гласный переднего ряда. Те положения, которые касаются заднерядного о, полностью относятся и к ö.

Примеры употребления ö в начале слова: $اوكوزلار } \ddot{o}ks\ddot{u}z\ddot{l}\ddot{a}r$ [91] 'сироты', ср. др.-тюрк. $\ddot{o}g$ 'мать' (ДТС, 378), $\ddot{o}g\ddot{s}\ddot{u}z$ 'без матери; сирота' (ДТС, 381), в ряде среднетюркских памятников и современных языков - $\ddot{o}k\ddot{s}\ddot{u}z$ 'сирота' (подробнее см.: Севортян 1974, 521); $اوردى } \ddot{o}z\ddot{a}ge$ [91] 'его сердцевина, центр', ср. др.-тюрк. $\ddot{o}z$ 'сердцевина, нутро'

¹⁵ Как известно, армянская графика располагала графическими возможностями для дифференцированной передачи о и и.

¹⁶ Барабинский и томский говоры.

¹⁷ На памятнике из с. Большие Тарханы Тетюшского р-на ТАССР [153] дважды зафиксирована форма اوغلى , что реальнее принять за ошибку резчика, чем за какое-либо специальное написание этой лексемы, так как там же числительное "десять" написано с начальным алифом.

¹⁸ Об этом тахаллусе подробнее см.: Хакимзянов 1978, 54, 89.

(ДТС, 395), в некоторых среднетюркских памятниках - *özek* 'середина' (см.: Славсон 1972, 285) и *özäk* 'стержень, сердцевина' (Наджип 1979, 317).

Употребление полуширокого *ö* в первом слоге можно предполагать в словах *tört* [127, 214] // *tört* [181] 'четыре', ср. др.-тюрк. *tört* (ДТС, 581), ср.-тюрк. *tört* // *dört* (Славсон 1972, 534), булг. *töt* ~ *tüt* (Хакимзянов 1978, 56), протобулг. **töüt* или **tüt* (Pritsak 1955, 71), в восточных памятниках Киргизии XII-XIV вв. - *tört* (Джумагулов 1971, 152), ср. также тат. лит., башк. *дүрт*, тат. диал. *дүрт*, чув. *тăвăртă*, *тăвăтэ* - то же, *ködal* [91] 'сердце, душа', ср. др.-тюрк. *köñil* 'сердце, желание, чувство, мысль' (ДТС, 315-316), ср.-тюрк. *köñil* (Славсон 1972, 731-732), в "Гулистане" - *köñil* 'сердце' (Наджип 1975, вып. 2, 197-198), *kögke* [91] 'его красота', ср. др.-тюрк. *kögk* 'образ, изображение, красота, облик' и др. (ДТС, 317), ср.-тюрк. *kögk* // *gögk* - то же (Славсон 1972, 741).

U - узкий лабиальный гласный заднего ряда. В надписях слов с начальным u почти нет¹⁹, однако это не говорит о невозможности его применения в данной позиции, так как зафиксированы слова с узким переднерядным *ü*. Кроме того, в записках Ахмеда Ибн-Фадлана, побывавшего в Волжской Булгарии в X в., зафиксированы гидронимы с анлаутным u-: *اورن* 'Урень', *اورم* 'Урм' (Ковалевский, 1956, 131).

Обычно гласный u первого слога обозначается с помощью: а) знака *üāy*: *تول* *tu* [91] 'вдова', ср. др.-тюрк. *tu* 'вдова' (ДТС, 585), ср.-тюрк. *tu* - то же (Славсон 1972, 490); *يونس* *yu* [42, 92] - имя собств. < араб.; б) знака *üāy* и надстрочной даммы: *يونس البخاري* *Juniš üāy-buḡari* [90] 'Юнус Булгарский'. Аналогичный прием обозначения узких губных гласных встречается и в некоторых других среднетюркских письменных памятниках (см.: Наджип 1975, вып. I, 93).

Не совсем ясно качество гласного первого слога глагола *تور* [80, 92, 213, 214]²⁰, образованного из корня *tur-* 'стоять'. В арабографических среднетюркских памятниках временные формы данного глагола, например прошедшего времени, написаны через *üāy*²¹; правда, форма времени на -*ur* может писаться без среднего *üāy*, см., например, в "Гулистане" С. Сараи (Наджип 1975, вып. 2, 111). Однако все они читаются через -u- (см.: Славсон 1972, 529-530).

¹⁹ См. ниже "Глоссарий".

²⁰ Г. В. Ксупов (1968, 53-54) в одном тексте предполагает написание *تور*.

²¹ Написание через узкий гласный наблюдается и в сиро-тюркских памятниках XII-XIV вв. Джумагулов 1971, 143 - см. текст тридцатого памятника.

Узкий *ü* встречается не только в первом слоге, но и во втором, что, по всей видимости, следует объяснить древнеуйгурской письменной традицией, например: التونجى *altunçï* [91] 'золотых дел мастер', ср. др.-тюрк. *altun* 'золото, золотой' (ДТС, 40), др.-уйг., ср.-тюрк. *altun* (см.: Севортян 1974, 142), сир.-тюрк. *altun* (Джумагулов 1971, 32, 147), однако ср. в "Тухфа": *altin* (Измислианый 1978, 68), тат., башк., кирг., каз., кбалж., тур., туркм., ног. алтин - то же; خاتون *χatun* [164] 'женщина, госпожа', ср. др.-тюрк. *χatun*//*qatun* 'госпожа, вельможная дама, женщина знатного происхождения, жена правителя, знатного человека' (ДТС, 436, 637), др.-уйг., ср.-тюрк. *χatun*//*qatun* (Славсон 1972, 602-603), сир.-тюрк. *qatun* (Джумагулов 1971, 32).

Ü - узкий лабиальный гласный переднего ряда. Сохранение древнего *ü* подтверждается написанием числительного "тринадцать" в виде اويچ *öniç* [62], а в начальной позиции *ü*- передан через диграф "алеф + *yāy*": اويچ *üç* [80, 175] 'три'. В тексте надгробья из с. Большие Тарханы Тетюшского р-на ТАССР имеется ряд слов, начинающихся с губных гласных, например: ولى (2 раза) 'его сын', وكوش 'много'. Существующее разнообразие (так как есть и اون 'десять') в передаче начального звука скорее всего нужно считать ошибкой резчика. Что касается последнего слова, то в древнетюркском языке оно имеет два варианта написания: öküñ (ДТС, 383) и üküñ (ДТС, 624), однако С. В. Малов (1951, 440) приводит лишь вариант с *ü*- . Д. Клося (Славсон 1972, 118) предполагает, что в древне- и среднетюркских текстах это слово также употреблялось с начальным *ü*- . Исходя из всего сказанного, написание وكوش в исследуемых нами памятниках мы склонны читать как *üküñ*, тем более что в последнее время зафиксировано написание этого слова с начальным *yāy* с даммой (см. рис. 4). Примеры на узкий гласный переднего ряда в других позициях: كۈن *kün* [80, 62, 153, 182] 'день', بولاراي *bülärtaj* [127], اينۈك *inük* [181] - имена собств., - كۈر-? [144] 'видеть'.

Древнетюркский *ü* первого слога в татарском языке закономерно переходит в *e* (за исключением некоторых случаев, когда узкий гласный сохраняет свое качество), в отдельных мишарских говорах происходит дальнейшая их делябиализация (Махмутова 1978, 46-47).

Таким образом, в языке данной группы памятников можно предположить наличие гласных *a, ä, e, i, ü, o, ö, u, ü*, которые располагаются следующим образом:

	Передний ряд	Задний ряд
Широкие	ä	a
Полуширокие	ö	o
Узкие	i ü	u ü
Полуузкие	e	
	губные	
	негубные	

Г а р м о н и я г л а с н ы х. Из двух выделяемых в тюркологии разновидностей гармонии гласных в языке данных памятников основной является небная гармония, которую относят к праязыковым явлениям и считают возникшей задолго до распада тюркской языковой общности (Щербак 1970, 121). Примеры на небную гармонию: *جيتيم* jätim [91] 'сирота', *البيك* elig [164, 181] 'пятьдесят', *يگيرمه* jegerme [90] 'двадцать', *يگتيلار* jęgetlär [91, 139] 'двигать, вносить' и т. д. Закону небной гармонии подчиняются исключительно все исконно тюркские слова. Не подчиняются этому закону арабско-персидские заимствования, ср. *اخراة* aħirät [139] 'загробная жизнь', *اعراف* ägraf [139] 'благодетель', *دنيا* dönja [118] 'мир; свет' и т. д.

Губная гармония – это тип межслоговой связи, предполагающий последовательность одинаковых по качеству гласных. Уже в восточнотуркестанских текстах X–XIII вв. наблюдалось нарушение губной гармонии (Щербак 1961, 38), что нашло отражение и в письменных памятниках последующих эпох. В данной группе надмогильных памятников Волжской Булгарии X–XIV вв. губная гармония соблюдается в следующих случаях:

- 1) в связке именного сказуемого *تور* tur [80, 92, 213 и др.] 'встать';
- 2) в именах числительных *toquz* [213] 'девять', *otuz* [139, 182] 'тридцать', *törüt?* [181] 'четыре', однако см. *otiz* [164] 'тридцать';
- 3) в антропониме *qutluç* [211] < *qutluç* 'счастливый';
- 4) в привативном образовании *ökvüz* [91] 'сирота';
- 5) в форме повелительного наклонения *qandursun* [127] 'пусть напьют'.

Нарушение губной гармонии отмечается в глагольных формах *oħirät* 'прочтет', *oħisa* [139] 'если прочтет', *wafat boldı* [62, 90, 164] 'скончался', в именах существительных *kökke* 91, 139 'его красота', *köçellär* [91, 139] 'сердца', в форме принадлежности *belgüve* [212] 'его надмогильный знак'.

Сохранение в некоторых словах губной гармонии, возможно, объясняется устойчивым положением литературных традиций.